

Ж.И. Седова

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ОТРИЦАНИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

СТАТУТ
МОСКВЫ 2023

УДК 341.01, 340.1, 341.9, 347.1
ББК 67.404.06
С28

Седова, Жанна Игоревна.
С28 Правовые формы отрицания недобросовестного поведения /
Ж. И. Седова. — Москва : Статут, 2023. — 486 с.

ISBN 978-5-8354-1945-6 (в пер.)

Монография посвящена принципу добросовестности, развитие которого в праве прошло путь от обычая через судебную позицию к закреплению в писаной норме права (обязательной или рекомендательной), и теперь принцип добросовестности представлен во всех правовых формах: общий принцип права, норма *jus cogens*, сверхимперативная норма права.

В работе рассматриваются правовые формы отрицания недобросовестного поведения и соответствующие им правовые средства, дается определение понятия «недобросовестное поведение» и объясняется необходимость изучения системы (совместного существования) правовых антиподов: «добросовестности» и «недобросовестности», — которые должны рассматриваться в диалектическом единстве и с позиции компенсирующей комплементарности, т.е. дополнения противоположностей друг другом.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов и преподавателей юридических вузов и факультетов, а также на практикующих юристов.

УДК 341.01, 340.1, 341.9, 347.1
ББК 67.404.06

ISBN 978-5-8354-1945-6

© Седова Ж. И., 2023
© Редподготовка, оформление. Издательство «Статут», 2023

Развитие понятия «недобросовестное поведение» в процессе формирования глобальной правовой полисистемы

1.1. Влияние культурных традиций, норм религии, морали и права на формирование представления о недобросовестном поведении

В каждом историческом моменте времени на представление социума о том, что является справедливым или несправедливым, оказывают влияние морально-этические нормы разных религий, разность культур и национальных традиций в обществе. Современное общество, открытое к восприятию разных культур и правовых концепций, в результате объективных и необратимых процессов глобализации становится повсеместно мультикультурным.

А.И. Мальковская рассматривает вопрос о том, может ли «открытое общество» являться «равновесной системой» и может ли такое равновесие постоянно меняющегося мира и общества сохраняться набором фундаментальных ценностей, гарантирующих, что у людей с разными культурными традициями и верованиями не будут сильно расходиться мнения при оценке одних и тех же событий, а также гарантирующих, что новые идеи, концепции, ассимиляция и аккультурация мигрантов не приведут к дезинтеграции открытого общества¹. С точки зрения К. Леви-Строса, верования и практики существуют много веков, потому что они уравниваются как в процессе подражания друг другу, так и в процессе стремления опровергнуть друг друга².

Процессы глобализации в современном мире характеризуются тем, что вследствие стремительного развития научно-технического прогресса неконтролируемым становится движение информационных потоков за пределы национальных границ посредством сети «Интернет», возникают споры о юрисдикции и суверенитете государств

¹ См.: Мальковская И.А. Многоликий Янус открытого общества: Опыт критического осмысления ликов общества в эпоху глобализации. М., 2014. С. 42–47.

² Леви-Строс К. Путь масок / Пер. с фр.; сост., вступ. ст. и примеч. А.Б. Островского. М., 2000. С. 97.

в киберпространстве¹, а вследствие все более тесной интеграции национальных товарных рынков, услуг и капиталов увеличивается экономическая взаимозависимость разных стран, растут потоки миграции людей.

В процессе глобализации светское общество смешивается с социальными группами с ярко выраженным религиозно-правовым менталитетом, у которых религиозное и правовое развитие шло по единому пути. В частности, А.М. Величко отмечает, что, мусульманское, китайское и индусское право выделяются среди самостоятельных правовых культур при первенстве в них религиозного начала². Из-за влияния процессов глобализации и социокультурной трансформации на самобытность национальных государств и правовых культур, а также из-за невозможности в настоящий момент оценить последствия такого влияния в России некоторые правоведы (В.В. Сорокин, А.М. Величко, А.А. Васильев, С.Н. Бабурин)³ начали рассуждать о формировании целостной православной концепции российского государства.

¹ Рушинова В., Ассаф А., Мошников Д. Спор о суверенитете в киберпространстве: содержание, пределы и перспективы развития позитивистского дискурса // Международное правосудие. № 3 (35). 2020. С. 55–67; Рушинова В. Международно-правовой принцип невмешательства и кибероперации: неоправданные ожидания? // Международное правосудие. 2018. № 1(25). С. 38–53; Терентьева Л.В. Территориальный аспект юрисдикции и суверенитета государства в киберпространстве // Lex russica. 2019. № 4. С. 139–150; Она же. Принципы установления территориальной юрисдикции государства в киберпространстве // Lex russica. 2019. № 7. С. 119–129; Даниленков А.В. Государственный суверенитет Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Lex russica. 2017. № 7. С. 166–177; Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: Сб. статей / Рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2018; Дашян М.С. Право информационных магистралей (Law of information highways): Вопросы правового регулирования в сфере Интернет. М., 2007; Молчанов Н.А., Матевосова Е.К. Концептуально-политический и формально-юридический анализ Парижского призыва к доверию и безопасности в киберпространстве и российские инициативы в области международного права // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 133–141.

² Величко А.М. Нравственные и национальные основы права. СПб., 2002. С. 89–91 // Цит. по: Васильев А.А. Православная концепция государства и права в XXI в. // Политика и общество. 2014. № 2(110). С. 155 // URL: http://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=27991 (дата обращения: 07.01.2019).

³ См.: Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999; Он же. Философия русской государственности. СПб., 2001; Он же. Нравственные и национальные основы права. СПб., 2002; Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007; Васильев А.А. Православная концепция государства и права в XXI в. (В.В. Сорокин и А.М. Величко) // Политика и общество. 2014. № 2(110). С. 155–160; Бабурин С.Н. Русский мир как он есть // Русский мир. 2011. Сб. статей. М., 2011. С. 12–13.

Ученые находятся в поиске ответов на вопросы о том, укладываются ли понятия «транскультурация»¹, «поликультурное общество», «мультикультурное общество» в существующие государственные идентичности², а также изучают складывающиеся феномены современной транскультуры, вынесенной за пределы государственных юрисдикций (например, в виртуальные интернет-сети) и создающей новое «собственное пространство публичности»³, в рамках которого начинают складываться правоотношения, требующие адекватной юридической защиты.

Транскультурация — это внутристрановой и межстрановой коммуникативный обмен различиями, изменяющий элементы культуры, когда одни традиции вступают в противоречие с другими традициями, трансформируя их.

Поликультурное общество — это социальное образование, вошедшее в себя многоэтничность, полилингвистичность, многообразие верований, традиций, жизненных стилей и способов мышления, характеризующееся открытостью к инновациям и институциональным изменениям, смешением многообразных основ жизни индивидов на определенной территории государства⁴.

Мультикультурное общество — это поликультурное общество, по отношению к которому государство (например, США, Австралия, Канада) реализует политику мультикультурализма с учетом интересов его стабильности и безопасности⁵. Цель мультикультурализма — интеграция общества без ассимиляции. Термины «мультикультурализм» и «мультикультурное общество» появились в Канаде в 60-х гг. XX в. для определения многосегментных (мультиэтнических, мультирасовых, мультирелигиозных, мультинациональных) обществ⁶.

Поликультурное (мультикультурное) общество стоит перед необходимостью разрешения ряда проблем, связанных с сохранением своей устойчивости и обеспечением своего устойчивого развития. Проблема устойчивости такого общества, по мнению И.А. Мальковской,

¹ Толстова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскультурации. Жить никогда, писать нигде. М., 2004. С. 28 // Цит. по: Мальковская И.А. Указ. соч. С. 203.

² Там же. С. 202.

³ Там же. С. 193.

⁴ Там же. С. 194, 198.

⁵ Там же. С. 192, 194.

⁶ Российская пресса в поликультурном обществе: толерантность и мультикультурализм как ориентиры профессионального поведения: Сб. / Под общ. ред. А.Г. Асмолова. М., 2002. С. 9.

предстает как «проблема организации его пространства, на котором все отчетливее востребуется порядок, безопасность, гарантии жизни, права человека»¹. Новое общество требует новых правовых средств защиты законных интересов его участников, формирования нового публичного порядка. Такие правовые средства защиты должны быть универсальными, т.е. соответствовать универсальному представлению всех членов мультикультурного общества о справедливости и добросовестном поведении.

Универсальный правовой императив, объединяющий все разнообразие культур, выражен в отрицании недобросовестного поведения. Сформулировать способы защиты складывающегося и постоянно изменяющегося многообразия правоотношений через отрицание всех видов возможного недобросовестного поведения в условиях быстрокоммуникативного и мультикультурного общества является главной целью настоящего исследования. При этом способы отрицания недобросовестного поведения для того, чтобы быть наиболее универсальными, должны учитывать многовековые культурные традиции запретов и религиозных постулатов.

Отрицание недобросовестного поведения прежде всего выражено в запретах такого поведения. Самое известное во многовековой истории формулирование запретов недобросовестного поведения содержится в таких религиозных источниках, как:

- Библия — собрание текстов, являющихся священными в иудаизме и христианстве и составляющих Священное Писание в этих религиях;
- Коран — Священная Книга мусульман, где собраны Откровения, переданные Аллахом Пророку Мухаммаду.

Десять заповедей (Декалог или Закон Божий) почитаются христианами, католиками, лютеранами, протестантами и иудеями, несмотря на незначительные отличия в их понимании, порядке изложения и расшифровке. Например, Десять заповедей по Синодальному переводу Библии (т.е. по утвержденному Святейшим Правительствующим Синодом переводу XIX в. книг Священного Писания на русский язык) **содержат запреты недобросовестного поведения**, среди которых указаны следующие запрещенные действия: «не прелюбодействуй», «не убивай», «не кради», «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего», «не желай дома ближнего твоего», «не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего,

¹ Мальковская И.А. Указ. соч. С. 198.

что у ближнего твоего»¹. Эти заповеди-запреты объединяются одним тезисом «люби ближнего своего, как самого себя»², т.е., по сути, указывают на необходимость уважения достоинства и прав третьих лиц как своих собственных. В частности, заповеди Нагорной проповеди Иисуса Христа выражают целую серию запретов: запрет не только на убийство, но и на гнев, осуждение и оскорбление; запрет не только на прелюбодеяние, но и похоть; запрет на клятвы чем-либо; запрет на противление злу; запрет на сутяжничество, скупость и немилосердие; запрет на показную благотворительность; запрет на показную набожность и показную молитву; запрет на разглагольствование в молитве; запрет на показной пост; запрет осуждения других и стремления исправлять других, пока не исправил себя; запрет на раскрытие внутренней духовной жизни христиан перед невежами.

Поведение, противоречащее заповедям и нарушающее установленные заповедями запреты, представляет собой «грех», в связи с чем одна из заповедей содержит «указание на необходимость решительного устранения всего того, что приводит к греху». Теория смертных грехов развивалась в Средние века и сформулировала семь смертных грехов: гордыня, алчность, зависть, гнев, похоть, чревоугодие, уныние и (или) лень. Фома Аквинский усматривал в семи грехах причину всех иных производных пороков³, а Фредди А. Ромм определил грех как «некоторый значимый акт зла», обратив внимание на то, что «молитвы и покаяние в грехе не исправляют собственно грех..., а лишь, возможно, создают такой настрой у субъекта, который впоследствии будет способствовать его благотворительности и исправлению греха»⁴. В «Послании к римлянам святого апостола Павла» Библии сказано следующее: «...Но я не иначе узнал грех, как посредством закона, ибо я не понимал бы и пожелания, если бы закон не говорил: “не пожелай”»⁵. При этом в Библии содержится много указаний на необходимость именно добросовестного поведения посредством разъяснений того, что есть добро и совесть, как следует поступать по совести и что яв-

¹ Юревич Д.В. Десять заповедей // Православная энциклопедия. М., 2007. Т. XIV. С. 459–473.

² См.: п. 9 Послания к римлянам святого апостола Павла (Библия) // Правовая мысль: Антология / Автор-составитель В.П. Малахов. М.; Екатеринбург, 2003. С. 31.

³ 10 заповедей и 7 смертных грехов в Православии // URL: <http://bibliya-online.ru/10-zapovedey-i-7-smertnykh-grekhov-v-pravos/> (дата обращения: 06.01.2020).

⁴ Ромм Фредди А. Этика диалектического дуализма // URL: http://zhurnal.lib.ru/editors/t/romm_freddi_a/article-5.shtml (дата обращения: 02.01.2021).

⁵ Пункт 7 Послания к римлянам святого апостола Павла (Библия). С. 30.

ляется благим делом: «Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр», «и потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести»¹.

Особое значение среди заповедей имеет указание «поступать с другими так, как хочешь, чтобы поступали другие с тобой»², которое является **«золотым правилом» морали**, а также самой разумной мерой для оценки добросовестности и адекватности собственного поведения и в настоящее время. Развитие общества наполнило современное **«золотое правило» морали** новым содержанием в связи с растущим признанием основных прав и свобод каждого человека, ценности и достоинства человеческой личности, ценности всеобщего правового и морального равенства людей. В формулировке **«золотого правила»** содержится нечто общее с правовым предписанием ст. 17 Конституции РФ о гражданском обществе, в которой указано, что **«осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц»**³.

Таким образом, в Библии средством отрицания **недобросовестного поведения человека** является заповедь, а демонстрацией **недобросовестного поведения** для его лучшего уяснения является **формулирование греха**.

По мнению А.И. Литвиненко, «сейчас в современном мире отношение к греху изменилось. В Европе считают, что концепция семи смертных грехов безнадежно устарела. Большинство европейцев главным пороком считают жестокость, затем в порядке убывания идут прелюбодеяние, фанатизм, нечестность, лицемерие, жадность и эгоизм... В Японии понятие греха совсем иное. Слово грех на японский язык обычно переводят как “цуми”. Это не только плохой поступок человека, но и вообще все грязное и неприятное... Японцу трудно воспринимать христианское понятие греха. Ведь “цуми” означает не столько грех, сколько преступление. Учение о христианском смирении не стыкуется со стремлением “не потерять лицо”, то есть элемент гордыни присущ японской культуре»⁴.

¹ См.: п. 5 и 16 Послания к римлянам святого апостола Павла (Библия). С. 30.

² См.: Нагорная проповедь Иисуса Христа, описанная в гл. 7 Евангелия от Матфея (гл. 7 с. 12): «Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» // Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой (золотое правило морали) / URL: <https://dslov.ru/pos/p238.htm> (дата обращения: 12.01.2020).

³ Общая теория права: Учебник / Под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1996.

⁴ Литвиненко А.И. О Фоме Аквинском и грехе // URL: <https://litvinenko-ai.livejournal.com/33368.html> (дата обращения: 06.01.2020).

В исламе запретное называется «харам». **Согласно Корану можно выделить тридцать пять наиболее важных запретов в исламе, среди которых указаны следующие запрещенные действия:** убийство человека без причины; причинение вреда или посягательство на чужое имущество; употребление одурманивающих и опьяняющих веществ, в том числе наркотиков; увлечение азартными играми; обвешивание и обмеривание; воровство, обман, хитрость; обман, ложная клятва, сплетни, клевета, лжесвидетельство, насмешки, нарушение обещания; бесправное использование имущества сироты; взяточничество; проявлять несправедливость, делать различие между людьми; лицемерие, высокомерие; вхождение в чужой дом без разрешения или в отсутствие хозяев; неискренность при совершении благочестивых дел; поощрение несправедливости; небрежное отношение к тому, что доверено на хранение; ростовщичество; скупость¹.

В буддизме пять священных заповедей запрещают: 1) убивать людей и животных; 2) воровать; 3) прелюбодействовать (в трактовке неуместного сексуального поведения); 4) сквернословить, лгать и распускать сплетни; 5) употреблять одурманивающие средства. Исходя из этих пяти заповедей, буддизм описывает десять разрушительных и направленных на причинение вреда действий, которые человек не должен допускать в своей жизни, чтобы не испортить себе карму².

Предписания относительно поведения через описание недопустимых действий существуют в любой религии. В частности, о том, что морально-этические **нормы разных религий лежат в основе формирования фундаментальных принципов справедливости и, как следствие, в основе базовых критериев добросовестного поведения**, писали, в частности, такие ученые, как:

1) В.А. Вайпан, обозначивший религиозное содержание справедливости в догматах культуuroобразующих религий, которые «заложили морально-этический фундамент понимания справедливости, что способствовало формированию общественного мнения, содержащего, по оценке Гегеля, «...вечные субстанциальные принципы справедливости, подлинное содержание и результат всего государственно-

¹ 35 важных запретов в Исламе // URL: <http://www.islamisemya.com/35-vazhnyh-zapretov-v-islame.html> (дата обращения: 07.01.2020).

² Берзин А. Как избегать десяти деструктивных действий // URL: <https://studybuddhism.com/ru/tibetskiy-buddizm/put-k-prosvetleniyu/karma-i-pererozhdenie/kak-izbegat-desyati-destruktivnyh-deystviy> (дата обращения: 19.07.2021).

го строя, законодательства и всеобщего состояния вообще в форме здравого смысла людей...»¹;

2) Г.В. Мальцев, изучивший исторические связи религии, морали и права, начиная от первобытного общества (древнего космизма) и заканчивая современным периодом, и указавший на формирование в рамках древнего религиозно-космического мировоззрения таких онтологических понятий высшего порядка, как «Высшая Правда» и «Справедливость», до сих пор находящихся отражение в идеалистических формах правосознания²;

3) П.В. Момюс, указавший на диаметрально противоположные системы языческой и христианской идей о том, что является справедливым соотношением государства и свобод, естественных прав личности³;

4) А. Рэдклифф-Браун, подчеркнувший, что религия, право и мораль, дополняя друг друга в различных обществах, представляют собой три способа контроля человеческого поведения, образующие сложные комбинации в рамках единого механизма социальной регуляции, когда один и тот же «дурной поступок» (недобросовестное поведение) может подпасть одновременно под три санкции⁴: а) религиозные санкции (например, суд Божий, налагаемые церковной властью покаяние, епитимья или исключение из союза верующих⁵); б) юридические санкции (это те виды ответственности, которые установлены в нормах права); в) моральные санкции (т.е. санкции общественного мнения и совести, выраженные в «общественном порицании», «живом укоре совести», «внутреннем недовольстве собой» и «чувстве нравственной вины»⁶);

5) И.А. Ильин, раскрывший предпосылки необходимости создания правил поведения под влиянием норм религии, морали и права с целью закрепления требований справедливости, «мирного и справедливого сожительства людей на земле»⁷;

¹ Вайпан В.А. Теория справедливости: Право и экономика: Монография // М., 2017. С. 68–70.

² Мальцев Г.В. Нравственные основания права: Монография. 2-е изд., пересмотр. М., 2018. С. 296–297.

³ Патер Винцент Момюс. Указ. соч. С. 61–62.

⁴ Рэдклифф-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. М., 2001. С. 201 // Цит. по: Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 295.

⁵ Ильин И.А. О духовности права. М., 2016. С. 80.

⁶ Там же. С. 81.

⁷ Там же. С. 75–90, 98.

6) П.А. Якушев, который нравственные начала, религиозные нормы, национальные традиции, обычаи, культурные ценности относит к «внеправовым социальным регуляторам»¹.

Право как регулятор поведения в воспрепятствовании несправедливым ситуациям (недобросовестному поведению) занимает промежуточное место между общественным порицанием и религией:

— когда несправедливость малозначительна, то достаточно общественного порицания;

— когда несправедливость превысила минимально допустимый стандарт добросовестного поведения и предел терпимости по отношению к несправедливости ситуации, то применение правовых форм отрицания недобросовестного поведения является достаточным регулятором для защиты законных прав;

— если несправедливость чрезмерна настолько, что право не успевает защитить в конкретный момент времени от такого объема несправедливости, то человек обращается к защите Бога, как символу непостижимости реальности. Человек, не нашедший справедливости в жизни или оправдания своему поведению, стремится найти удовлетворение этой потребности в религии: вера в Бога — это вера в существование абсолютной справедливости², а справедливость даруется Богом через веру³. «Концепция Бога» всегда останется важной для человека, так как в ней воплощается «идеальный предел, позволяющий добиться всеобъемлющих представлений об окружающем мире»⁴, а также она позволяет выработать «своеобразные внутренние ограничители, не позволяющие вторгаться в сферу сложнейших проблем бытия с догматичной самоуверенностью»⁵.

В Российской Федерации сосуществование множества религиозных культур основано на балансе закрепления светскости государства (ст. 14 Конституции РФ) и положений Федерального закона от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и религиозных объединениях», утверждающих уважение христианства, ислама, буддизма,

¹ Якушев П.А. Автономность семейных отношений и цивилистический процесс // Вестник гражданского процесса. 2021. № 1. С. 277–293.

² Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / Пер. с нем., англ., фр.; сост. и вступ. ст. М.В. Антонова. СПб., 2015. С. 354.

³ Там же. С. 357.

⁴ Армстронг К. История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе / Пер. с англ. К. Семенова. 5-е изд. М., 2014. С. 348.

⁵ Там же. С. 438.

иудаизма и других религий, признающих существование разности конфессий и свободу вероисповедания. Российское законодательство защищает естественное религиозное разнообразие и тем самым защищает религиозные ценности, выраженные в четко сформулированных запретах недобросовестного поведения.

Право охраняет религиозные постулаты посредством защиты права человека на вероисповедание и гарантии свободы религии. Например, Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, принятая резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25.11.1981, указывает на то, что «религия или убеждения являются для каждого, кто их придерживается, одним из основных элементов его понимания жизни и что свободу религии или убеждений следует полностью соблюдать и гарантировать»¹.

«Свободным обществом» П. Фейерабенд называет то, которое предоставляет равные права всем культурным традициям². При этом предоставление равных прав сопряжено с введением обязательных для всех запретов. Согласно Фредди А. Ромму, «человечество обладает некоторой свободой именно потому, что какой-то свободы оно лишено»³.

Следует особо подчеркнуть влияние **сбалансированной разности культур и национальных традиций** на формирование представлений о справедливости и добросовестности. Здесь уместной видится цитата из произведения У. Шекспира: «...Ибо нет ничего ни хорошего, ни плохого; это размышление делает все таковым...»⁴ Как правило, **через оценку добросовестности (недобросовестности) поведения делается суждение о справедливости (несправедливости) ситуации в целом.** Именно общность воззрений на понятия «справедливость» и «несправедливость», «добросовестность» и «недобросовестность», «добросовестное поведение» и «недобросовестное поведение» должна объединять разные народы в членов одной культурной семьи.

¹ Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, принятая резолюцией 36/55 Генеральной Ассамблеи ООН от 25.11.1981 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/relintol.shtml (дата обращения: 04.11.2021).

² Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 469 // Цит. по: Мальковская И.А. Указ. соч. С. 42.

³ Ромм Фредди А. Этика диалектического дуализма // URL: http://zhurnal.lib.ru/editors/r/romm_freddi_a/article-5.shtml (дата обращения: 02.01.2021).

⁴ Шекспир У. Гамлет, принц датский / Пер. М. Лозинского // URL: <http://lib.ru/SHAKESPEARE/hamlet5.txt> (дата обращения: 02.01.2021).

Со справедливостью и добросовестностью всегда ассоциировались понятия о нравственности, морали, чести, долге, совести, правде, доверии, уважении, сострадании, милосердии, помогающие формировать единые для всех мультивариативных правовых систем принципы права, общие культурные цели и моральное единство гражданского общества и государства. Учитывая, что правовая система отражает совокупную связь системы права (законодательства), правовой культуры и правоприменения, то под **мультивариативностью правовой системы** следует понимать ситуацию, когда правовая система, испытывающая неизбежное влияние мультикультурализма и разных религий в связи с массовой миграцией населения и иными процессами глобализации: 1) предоставляет разнообразные возможности правовой защиты законных интересов и ожиданий субъектов правоотношений; 2) создает новые правовые регуляторы за счет рецепции из других правовых систем лучших правовых норм и способов регулирования, т.е. тех, которые наилучшим образом обеспечивают защиту добросовестного поведения в правоотношениях.

Джон Сёрл раскрыл определение мультикультурализма, отрицающее само существование такой вещи, как «общепринятая или господствующая культура», что, по его мнению, присуще Соединенным Штатам Америки и Канаде, где сосуществование множества различных культур основано на признании их изначального равенства, не позволяющего считать любую из культур (группу культур) «более существенной для американской жизни и истории, чем остальные»¹. Однако Дж. Сёрл видит опасность в мультикультурализме как в «иллюзии равноправия культур», которая несет в себе: а) групповой характер взглядов в противовес их разнообразию; б) коллективный характер мышления, основанный на универсальных истинах, в противовес индивидуальному. Мирное сосуществование множества культур возможно только на индивидуальном уровне, но не коллективном, что означает обязательное принятие иммигрантами господствующих политических, общественных и моральных ценностей страны пребывания, уважение индивидуальных прав человека независимо от национальной или религиозной идентичности, что ведет к объединению людей, а не к вражде, основанной на базе защиты прав отдельных групп².

¹ Сёрл Дж. Политика и гуманитарное образование / Отечественные записки. 2002. № 1. С. 84 // Цит. по: Аксенов Г.П. Глубинная история человека: От христианства до ноосферы. М., 2013. С. 341.

² Аксенов Г.П. Глубинная история человека: От христианства до ноосферы. С. 342.

Здесь полезно вспомнить высказывание философа и демократа XIX в. А.И. Герцена о том, что «подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее — продолжение человеческих жертвоприношений, заклание агнца для примирения бога, распятие невинного за виновных... Гармония между лицом и обществом не делается раз навсегда, она становится каждым периодом, почти каждой страной и изменяется с обстоятельствами, как все живое»¹.

По мнению А.А. Васильева, «новая волна развития глобализации ставит под сомнение самобытность национальных государств и правовых культур», в связи с чем в среде российских правоведов в настоящее время «одной из форм самосохранения русской правовой культуры стало формирование целостной православной концепции государства и права» в противовес необходимости развития российского права (относящегося к романо-германской правовой системе) в соответствии с универсальной европейской правовой традицией². Согласно православной концепции государства, изложенной А.М. Величко³ и В.В. Сорокиным⁴, уникальность и потенциал русской правовой культуры основаны на христианском мировоззрении, отдающем предпочтение таким духовным постулатам, как первенство идеи нравственного самосовершенствования личности, идеал соборного устройства общества, построение жизни на началах любви, сострадания, милости⁵. Преамбула Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях» содержит указание на признание особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры.

Признавая непосредственное взаимовлияние норм религии, морали и права в мультикультурных социумах с разными национальными многовековыми традициями, очевидным является тот факт, что поддержание универсальности понятий «справедливость» и «добросовестность», а также производных от них понятий «добросовестное

¹ Герцен А.И. С того берега // Правовая мысль: Антология / Автор-сост. В.П. Малахов. М., 2003. С. 446.

² Васильев А.А. Православная концепция государства и права в XXI в. (В.В. Сорокин и А.М. Величко) // Политика и общество. 2014. № 2(110). С. 155–160 // URL: http://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=27991 (дата обращения: 07.01.2019).

³ См.: Величко А.М. Нравственные и национальные основы права. СПб., 2002; Он же. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб., 1999; Он же. Философия русской государственности. СПб., 2001.

⁴ См.: Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007.

⁵ Васильев А.А. Указ. соч. С. 156.

поведение» и «недобросовестное поведение», во-первых, становится все более затруднительным в условиях стремительной глобализации общества и создания разнообразных многокультурных образований внутри одного государства, во-вторых, зависит от сбалансированного соотношения норм религии, морали и права и того, как они учитывают друг друга и согласуются друг с другом в каждой отдельно взятой правовой системе.

Мультикультурность социумов, складывающаяся из-за массовой миграции населения и быстрой коммуникативности за счет глобальной компьютеризации, характеризуется, по мнению Рута Бенедикта, тем, что универсальным регулятором поведения выходцев из одной страны, например японцев, является «культура стыда», тогда как сознание граждан других государств, например американцев и европейцев, регулирует «культура вины»¹.

Изучив особенности заключения сделок с китайскими хозяйствующими субъектами, Г.А. Прокопович отметила необходимость знания стратагематики, присущей восточноазиатской договорной культуре и являющейся чертой национальной китайской психологии. Стратегема — это стратегический план, алгоритм поведения (в том числе ведения переговоров), характеризующийся прежде всего хитростью как находчивостью, сообразительностью и изобретательностью, но не обманом². По мнению Н.И. Матузова, «определение границ собственно права и правил другой природы, действующих в обществе, имеет важное значение, нужно четко знать, где кончается правовое поле и начинается неюридическое пространство»³. Учитывая лидирующие позиции китайского бизнеса на современном этапе развития экономики, европейские партнеры объективно пришли к потребности изучения китайских стратагем⁴ для целей понимания основ ведения китайскими предпринимателями бизнеса в целом и переговоров в частности.

Необходимость выяснения того, что является в каждом обществе универсальным регулятором поведения, обусловлена поиском не-

¹ Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М., 2007 // Цит. по: Аксенов Г.П. Указ. соч. С. 36.

² Прокопович Г.А. Особенности заключения договоров с китайскими партнерами в ракурсе правовой культуры Китая // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2018. № 3(11). С. 38.

³ Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 103.

⁴ См.: Харро фон Зенгер. 36 стратагем для менеджеров. М., 2019 // Ссылка по: Прокопович Г.А. Указ. соч. С. 40.

когого императива социальной нравственности, который объединяет общество на базе общности моральных ценностей, охраняемых государствами как «право всех»¹.

Несмотря на разность «авторитета» источника, который устанавливает нормы религии, морали и права соответственно (в религии — воля Божья, в морали — голос совести, в праве — предписание властного субъекта² в лице государства или субъекта международного права, обладающего международной правосубъектностью), правильным соотношением между всеми этими нормами будет являться их общая направленность на установление ими справедливого порядка. В древнем китайском памятнике правовой мысли «Дао дэ цзин» основоположник одного из общественно-политических и философских учений в Китае — доацизма — Лао-цзы (VI–V вв. до н.э.) указывал, что «страна управляется справедливостью...», а «когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным...»³. По мнению И.А. Ильина, справедливый порядок формируется, когда «право, с одной стороны, предписывает людям такое внешнее поведение, которое может быть одобрено и совестью (например, служение общему благу, ненарушение чужой свободы, неподкупность, защита родины, исполнение обязательств, принятых на себя добровольно и т.д.); когда оно, с другой стороны, воспрещает людям те внешние поступки, которых и совесть не одобряет (например, нарушение данного слова, обман, причинение вреда, насилие...)»⁴.

Взаимное влияние норм религии, морали и права объясняется тем, что сами по себе религия, мораль и право, будучи социальными явлениями, представляют собой **феномены общей культуры общества**. Таким образом, благодаря параллельному и взаимно обогащающему развитию всех феноменов культуры, общество способно создавать новые **системообразующие императивы**, многообразные солидарные связи между людьми и их социальными группами, стремясь к созданию совершенного общества. По утверждению Г.В. Мальцева, «когда

¹ Высказывание Фомы Аквинского: «Единственная роль государства состоит в том, чтобы оберегать право всех» // Цит. по: Патер Винцент Момюс. Справедливость и право // Общество и мораль: Лекции по общественной этике профессоров Вольного университета общественных наук / Пер. с фр.; под ред. В.В. Битнера; предисл. Э. Бутру. 2-е изд. М., 2007. С. 62.

² Ильин И.А. Указ. соч. С. 82, 83.

³ Лао-цзы. Дао дэ цзин // Правовая мысль: Антология / Автор-сост. В.П. Малахов. М.; Екатеринбург, 2003. С. 35.

⁴ Ильин И.А. Указ. соч. С. 87.

говорят о совершенном человеческом обществе, обычно имеют в виду определенные нормативно-ценностные ориентиры типа добра, свободы, справедливости...»¹.

Достичь совершенства общества так же, как и достичь абсолютной справедливости, на современном этапе развития человечества невозможно, так как отношение к некоторым ситуациям при оценке их справедливости и адекватности во всех странах мира до сих пор существенно разнится в зависимости от их многовековых культурных традиций. Данное утверждение не умаляет того, что к созданию совершенного общества, которое быстро меняется по своему культурному составу, надо безусловно стремиться, и такое стремление должно представлять собой непрерывающийся процесс развития права. На базе национального публичного порядка, учитывающего добрые нравы и традиции, разные государства кардинально противоположным образом оценивают как давно существующие традиции, так и вновь складывающиеся общественные отношения. В связи с этим то, что является справедливым, соответствующим этическим и социальным стандартам для одного сообщества людей, одновременно признается другим сообществом несправедливым и не соответствующим его нравственным императивам, например²: ежегодная местная традиция убийства китов и дельфинов на Фарерских островах в Дании; ежегодный религиозный праздник жертвоприношения двухсот тысяч животных богине Гадхимай в Непале; запрет аборт при любых обстоятельствах в Ирландии, ОАЭ, Сирии, Чили и др.; запрет суррогатного материнства в Норвегии, Германии, Франции и др.; снятие запрета на клонирование человеческого эмбриона в Австралии; законодательное закрепление права на эвтаназию в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Канаде и др.; наличие смертной казни в Республике Беларусь, Израиле, Китае, Монголии, Японии и др.; отсутствие гендерного равенства при наследовании на основе иджитхада в Тунисе (женщина может наследовать только половину доли мужчины, иное противоречит законам шариата и нарушает то, что написано в Коране); легальность многоженства в Индонезии, Иране, Египте и др.; легитимность однополых браков в Нидерландах, США и др.; признание судом за человекообразными обезьянами некоторых человеческих прав

¹ Мальцев Г.В. Культурные традиции права: Монография. М., 2023. С. 7.

² Седова Ж.И. Виды эстоппеля в зарубежной доктрине и возможности их применения в различных отраслях права // Вестник гражданского процесса. 2018. № 4. Т. 8. С. 41–61.